

Соловьев Всеволод Сергеевич

**Полное собрание сочинений Всеволода
Соловьева**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
В84

В84 **Всеволод Сергеевич С.**
Полное собрание сочинений Всеволода Соловьева / Соловьев Всеволод Сергеевич – М.: Книга по Требованию, 2025. – 362 с.

ISBN 978-5-519-74720-2

ISBN 978-5-519-74720-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

всѣмъ уже почернѣло отъ пыли, и пауки уже сотни разъ разстилали па немъ свою паутину. Я поднимаю зеленныя шторы, но яркій полдневный свѣтъ все же медлитъ, все же боится проникнуть въ полутьму этой прохладной, сырой комнаты. Густо разрослись деревья у самыхъ оконъ и льнутъ ихъ зеленныя вѣтки къ запыленнымъ стекламъ, и мѣшаютъ солнцу. Забывъ о паутигѣ и пыли, я сдергиваю полотно съ самаго большого портрета—и отступаю съ невольной дрожью: я не одинъ—прямо мнѣ въ глаза, насмѣшливо и пыливо, глядятъ живые глаза изъ глубины почернѣвшей золотой рамы—передо мною живое лицо молодого красавца, въ изящномъ и богатомъ костюмѣ конца XVIII вѣка. Я отступаю и опять приближаюсь, и начинаю уже видѣть, какъ тихо колыхается атласъ и кружева на его мѣрно дышащей груди: вотъ шевелить пальцами блѣдная рука, на которой горитъ брилліантовый перстень; медленно сдвигаются густыя черныя брови; дрожатъ полузакрытыя, будто утомленныя, вѣки, а рѣзко очерченныя, характерныя губы складываются въ тонкую усмѣшку. И долго не проходитъ очарованіе, и долго я жду, что опъ выйдетъ изъ рамы и заговоритъ со мною.

Но яркій лучъ, прорвавшійся, наконецъ, въ окно, скользитъ вдоль по расписанному полотну и разрушаетъ впечатлѣніе. Я снова спускаю шторы и не могу оторваться отъ портрета. Я стираю съ него пыль, и, наконецъ, въ углу, у самой рамы, разбираю буквы. Очарованіе становится понятнымъ—оно создано слабой женскою рукою, въ которую когда-то была вложена крѣпкая сила таланта: портретъ принадлежитъ кисти знаменитой Лебренъ.

Проходятъ часы, проходятъ дни—и запыленная мрачная комната превращается въ мое постоянное убѣжище. И все, что казалось мнѣ таинственнымъ и непонятнымъ, становится близко и знакомо во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ. Меня уже не смущаетъ полусмѣшливый, полугрустный взглядъ напудренного и разодрѣтаго въ атласъ и кружева красавца. Между нами уже нѣтъ тайны—онъ самъ открываетъ мнѣ свою душу и рассказываетъ жизнь свою. Въ старинномъ бюро, въ одномъ изъ безчисленныхъ ящичковъ, я нахожу маленькія, переплетенныя въ сафьянъ тетрадки, мелко исписанныя на французскомъ языкѣ твердымъ и красивымъ почеркомъ. Это его замѣтки, отрывки воспоминаній разнообразно и интересно проведенной молодости... Они нерѣдко будутъ служить мнѣ важнымъ матерьяломъ для разсказа, который я озаглавливаю именемъ ихъ автора...

Сто лѣтъ назадъ.

Около ста лѣтъ тому назадъ, а именно въ началѣ осени 1788 г., мѣстность эта представляла совсѣмъ иной видъ, чѣмъ теперь. Ни о какихъ заводахъ, фабрикахъ, шоссе, не было и помину. Въмѣсто всего этого между селомъ Горбатовскимъ, искони принадлежавшимъ богатому и знатному роду Горбатовыхъ, и Знаменскимъ, находившимся тогда во владѣніи вдовы княгини Пересвѣтовой, тянулось на семь въ квадратъ тянулось густой лѣсъ, черезъ который пролетала очень живописная дорога.

По дорогѣ этой солнечнымъ душистымъ утромъ ѣхалъ молодой всадникъ, совсѣмъ еще юноша, лѣтъ двадцати двухъ не больше. Богатый атласный камзолъ, изящные ботфорты на стройныхъ ногахъ, маленькая треугольная шляпа, изъ-подъ которой спускались буффы напудренного парика съ косичкой, статный вымуштрованный конь—указывали на общественное положеніе юноши. Красивое и милое лицо сразу говорило въ его пользу. Онъ, видимо, никакъ не спѣшилъ, то пускалъ своего послушнаго коня рысцой, то ѣхалъ нѣкоторое время шагомъ, то, наконецъ, останавливался, осматривался кругомъ, любовался картиной жемчужнаго и краснѣвшаго лѣса, всею грудью вдыхалъ въ себя бальзамическій воздухъ. Изрѣдка встрѣчавшіеся въ лѣсу крестьяне и крестьянки, завидѣвъ всадника, почтительно останавливались съ низкими поклонами. Онъ приветливо кивалъ тѣмъ головой и ѣхалъ дальше съ довольнымъ выраженіемъ въ молодомъ, нѣсколько загорѣвшемъ лицѣ.

Лѣсъ рѣдѣлъ. Скоро изъ-за небольшого пригорка показались обширныя хоромы княгини Пересвѣтовой. Юноша далъ шпоры коню и помчался, но не прямо, не къ усадьбѣ, а завернулъ въ сторону, туда, гдѣ снова начиналась древесная тѣнь и гдѣ только высокій частоколь, да малоѣженная, почти совсѣмъ поросшая травою дорога отдѣляли лѣсъ отъ барскаго Знаменскаго парка. Вотъ старыя ворота и возлѣ избушка сторожа. Запахло дымкомъ, двѣ курицы перебѣжали дорогу, чуть не пошавъ подъ копыта быстро остановившагося коня. Собаченка выскочила изъ избушки и отчаянно залаяла, а за нею показался старый лысый старикъ въ лаптяхъ и нагольномъ тулупѣ.

— Отвори-ка, Степушка, ворота!—крикнулъ всадникъ ласковымъ звонкимъ толосомъ, какой только и могъ быть у такого здороваго и веселаго юноши. Семидесятилѣтній Степушка, отвѣсивъ низкій

поклонъ, бросился старческой рысцёю къ воротамъ и сталъ отпирать ихъ.

— Милости просимъ, батюшка Сергѣй Борисычъ,—погуляй, золотой... Ишь вѣдь денекъ какой выдался—солнышко словно по лѣтнему грѣетъ...

Юноша уже вѣхалъ въ ворота, но вдругъ остановился и сказалъ старику:

— А вотъ что, Степушка, не покараулишь ли моего «Красавчика»?—шускай онъ себѣ отдохнуть, а я поразомпу ноги.

— Изволь, батюшка, изволь, государь Сергѣй Борисычъ!..

Сергѣй Борисычъ быстро соскочилъ съ «Красавчика», передалъ поводья Степушкѣ, привычнымъ хозяйскимъ глазомъ оглядѣлъ любимого коня, потрепалъ его по гладкой, горячей шеѣ и легкими шагами направился въ глубь парка.

Солнце такъ и горѣло, такъ и переливалось на разноцвѣтныхъ осеннихъ деревьяхъ, превращало въ чистое золото опавшіе листья, которые пусто покрывали дорожку и разлетались во все стороны подъ быстрыми шагами юноши. Въ вершинахъ старыхъ деревьевъ улетенно, будто на прощанье, перекликались птицы, и съ вѣтки на вѣтку, споря въ легкости съ птичьимъ полетомъ, перескакивали путливыя вскшш.

Но вдругъ солнце зашло за облако, и мгновенно смѣнилась вся картина: потускнѣли радужные цвѣта, тоскливая нотка словно прозвучала въ птичьей перекличкѣ, откуда-то пахнуло прохладной сыростью. Затуманилось солнце отъ наплывшаго облака—и, будто отъ такого же облака, затуманилось и красивое лицо веселаго юноши; не то тоска неясная, не то скука изобразилась на немъ. Но это было лишь на мгновеніе. Облако прошлось, солнце заблестѣло снова, быстро мѣняя печальныя краски, обливая ихъ горячей жизнью,—и слова молодая, здоровая радость засвѣтилась въ лицѣ юноши. Ускоряя шагъ, онъ спустился къ небольшому озеру, на берегу котораго была выстроена бесѣдка.

Отсюда виднѣлась только боковая ея сторона, только колонка, окрашенная въ ярко-голубой цвѣтъ, да глухая стѣна, едва замѣтная за густо посаженными кустами. Нельзя было разглядѣть, есть ли кто въ той бесѣдкѣ или никого тамъ нѣту. Но юноша остановился какъ вкопанный и не могъ отвести своихъ зоркихъ глазъ отъ ярко-голубой колонки. За этой колонкой мелькнуло что-то и исчезло. И вотъ опять показалось. Да, это не птица и не зекша, это чернѣется узенькій башмачекъ маленькой ножки. Вотъ и кончикъ розоваго платья вы-

глянулъ и скрылся. Юноша отступилъ назадъ, осторожно, стараясь не шуршать опавшими листьями, и началъ пробираться между деревьями къ бесѣдкѣ.

— Ахъ, какъ странно!—думалъ онъ,—вѣдь это Таня...

Онъ чувствовалъ, что это она, да и кому тамъ быть другому—ея и платье розовое. Странно! Будто нарочно онъ поѣхалъ этой дорогой, будто нарочно оставилъ «Красавчика» Степушкѣ и такъ спѣшилъ сюда, къ озеру, къ бесѣдкѣ, точно зная, что тутъ Таня, и что она его дожидается!..

Да, онъ зналъ, навѣрно зналъ еще утромъ, когда уговаривалъ monsieur Рено отправиться вмѣстѣ съ матерью и сестрою смотрѣть только что приведенныхъ лошадей, а самъ отказался имъ сопутствовать и велѣлъ осѣлать себѣ «Красавчика». Онъ зналъ, навѣрное зналъ, но почему зналъ? Кто сказалъ ему и зачѣмъ ему сегодня такъ ужасно надо видѣть Таню?!

II.

Въ бесѣдкѣ.

Останавливаясь на каждомъ шагу и боясь ступить на сухую вѣтку, которая могла бы затрещать подъ его ногами, почти неслышно подкрался юноша къ бесѣдкѣ и заглянулъ между колодкой и боковой стѣною.

На деревянномъ диванѣ, окрашенномъ такой же яркой голубой краской, какъ и вся бесѣдка, сидѣла хорошенькая блондура дѣвушка съ высоко, по модѣ, взбитыми волосами, въ розовомъ платьѣ. Дорогой шелковый платокъ покрывалъ ея плечи и былъ граціозно завязанъ сзади. Рукава платья, обшитые пышными кружевами, доходили до локтей, выказывая полныя руки. Темные глаза, казавшіеся то синими, то сѣрыми, были очень хороши и однихъ этихъ глазъ было бы достаточно, чтобы скрасить и не особенно хорошенъкое личико, но на этотъ разъ глаза совершенно гармонировали съ остальными чертами.

Подкравшемуся юношѣ было чѣмъ полюбоваться. Вся крѣпкая, довольно крупная, но въ то же время граціозная фигура дѣвушки такъ и манила къ себѣ своей красотой и свѣжестью. Но только это была еще далеко не женщина, это былъ быстро выросшій и сформировавшійся ребенокъ. Несмотря на пышныя формы, въ лицѣ оставалось еще слишкомъ много дѣтскаго. Ею можно было любоваться вдвойнѣ—и въ настоящемъ и въ будущемъ, такъ какъ она серьезно обѣщала сдѣлаться прелестнѣйшей женщиной.

Но мечты объ ея будущей красотѣ были далеки отъ Сергія Борисыча, съ него было за глаза довольно и настоящаго. Онъ долго любовался ею, затаивъ дыханіе, съ разрумянившимися щеками и радостной улыбкой, а она не замѣчала его присутствія, погруженная въ полузабытѣе. Она сидѣла неподвижно, глядя на мелкую зыбь озера, отражавшаго легкія плывущія по небу облака и пестрыя деревья противоположнаго берега.

О чемъ она думала? Конечно, думала о многомъ, только врядъ ли могла бы рассказать свои думы. Онѣ сливались все вмѣстѣ и превращались во что-то призрачное, радужное, неопредѣленное и милое, что наполняло ее всю, заставляло сидѣть неподвижно, совсемъ забывшись, завораживало... убаюкивало...

Юноша хотѣлъ было ее окликнуть, но сообразилъ, что она, пожалуй, черезчуръ испугается и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ назадъ, зашуршалъ хвостомъ.

Она очнулась, быстро поднялась съ дивана и взглянула за колонку. Темные глаза ея загорѣлись, румянецъ вспыхнулъ и побѣжалъ по всему лицу.

— Сережа!—радостно крикнула она, плохо выговаривая буквы р, что выходило у нея особенно мило.—Ахъ! и какъ же вы напугали меня!.. Я тутъ давно... гуляла, да зашла въ бесѣдку... такъ тихо... хорошо... лѣнь взяла...

— Такъ тихо, хорошо, что сидѣла, сидѣла и заснула!—персбилъ ее Сережа.

— Аяъ и совсемъ не спала! А знаешь, бываетъ такое—не знаю какъ съ другими, а со мною часто бываетъ... дома-то рѣдко, а вотъ въ лѣсу или гдѣ-нибудь, лѣтомъ... впрочемъ, осенью еще чаще, въ такіе чудные дни... Такъ тихо вдругъ, тихо и грустно... и хорошо, что боишься шевельнуться... кажется—слыгнешь куда-то и расплываешься все шире и шире... небо...

Онъ смотрѣлъ на нее и лукаво улыбался. Она остановилась на полусловѣ и сердито топнула ножкой.

— Насмѣшникъ! сколько разъ обѣщала себѣ ни о чемъ такомъ съ вами не говорить... за каждое-то слово на смѣхъ поднимаетъ!.. Известно—философъ!.. Мамешка такъ прежде m-r Рено называла, а теперь ужъ онъ сталъ у нея m-r Рено tout court, а въ философы произведенъ Сергіи Борисычъ—другого и имени тебѣ нѣту...

— Ну, этого можно было бы мнѣ и не говорить, Таня. Я вѣдь знаю, что у книжника философъ чуть не бранное слово.

Таня вслыхнула и на этот раз взаправду рассердилась, только уж не на него, а на себя.

«Ахъ этотъ глупый, длинный языкъ! вѣчно зря болтаетъ...»

Но Сережа не сталъ злоупотреблять пеловкимъ положеніемъ Тани, онъ вовсе не хотѣлъ смущать ее. Онъ улыбался попрежнему, только ужъ другой улыбкой, въ которой не было ничего насмѣшливаго.

— Философъ!—сказалъ онъ,—а вѣдь опять-таки выходитъ, что философъ не я, а вы же, милая Таня. Конечно, не въ томъ разумѣніи, какое угодно княгинѣ придавать сему слову, а вотъ эти ваши бесѣды съ природой—это и есть философія настоящая, по крайней мѣрѣ, прямой путь къ ней. И вижу я, что Рено былъ правъ, когда недавно сказалъ мнѣ про кого-то: «о, это особенная головка—въ ней много вмѣстить можно и она многое выдержитъ». Видишь, какого мнѣнія о тебѣ умные люди! Я, можетъ быть, не долженъ былъ бы говорить этого, только вѣдь я и самъ такъ о тебѣ думаю—ты особенная, Таня!

Его глаза такъ лѣжно и ласково остановились на ней, что она не могла долго выдержать этого взгляда и смущенно отвернулась.

Со ступенекъ бесѣдки, гдѣ они стояли, она опять подошла къ голубому дивану и усѣлась въ уголокъ. Онъ помѣстился рядомъ съ нею, все продолжая глядѣть на нее такъ смутившимъ ее взглядомъ.

— Только какъ это странно,—говорилъ онъ, — давно ли Таня была маленькой дѣвочкой, въ куклы играла съ Леной—и вотъ теперь какая! А Лена и до сей поры въ куклы играетъ—намедни засталъ ее.

— Что же, и я играю въ куклы, и у меня онѣ цѣлы—хотите, сегодня же покажу, когда придемъ домой. Мнѣ еще недавно въ дѣвичьей цѣлый гардеробъ для нихъ сшили.

— Вѣрю, вѣрю, только думы-то не о куклахъ.

— Не о куклахъ,—повторила она, вдругъ вся притихнувъ.

Замолчать и онъ, снова дивясь тому, что случилось сегодня. Глядя на Таню, подмѣчая выраженіе лица ея, ея глазъ, слѣдя за ея то потухавшимъ, то разгоравшимся румянцемъ, онъ былъ теперь совершенно увѣренъ, что она тоже не такъ, не случайно забрела въ этотъ часъ въ голубую бесѣдку.

О, конечно, шавѣрное и она знала, что онъ непременно придетъ сюда. И она ждала его, и ей было такъ же точно нужно его видѣть, именно сегодня, именно теперь, на этомъ мѣстѣ. Тотъ же непонятный, тайный голосъ, который звалъ его сюда—звалъ и ее. Вотъ сейчасъ, стоитъ только спросить ее,—и она подтвердитъ все это. потому что она лгать не умѣетъ, да и не нужно.

Почти до боли забилося его сердце и прерывающимся голосом онъ шепнулъ:

— Таня!!!

Она вздрогнула. Она сразу почувствовала особенное въ его словѣ. Онъ никогда еще, ни разу въ жизни, такъ не произносилъ ея имени.

— Что?!—почти беззвучно, одними губами спросила она.

— Таня! отчего ты здѣсь, не гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, а именно тутъ, въ голубой бесѣдкѣ?

Это былъ странный и смѣшной вопросъ. Но она не изумилась и не смѣялась; она поняла, зачѣмъ онъ ее спрашиваетъ, и какое важное значеніе имѣетъ вопросъ этотъ.

— Я сама не знаю,—тихо отвѣтила она.

— Таня... милая!.. ради Бога, скажи всю правду!..

Онъ взялъ ея руку. И горячая рука дѣвушки сразу охладѣла и вздрогнула тѣ его рукѣ.

Онъ подняла на него большіе, широко раскрытые глаза, и онъ прочелъ въ нихъ изумленіе, страхъ, нѣжность, счастье—все вмѣстѣ.

— Не знаю... странное что-то, — шептала она, — какъ будто сонъ... да, право... я весь день какъ во снѣ... и встала во снѣ... и сюда пришла... Сережа, я знала, что ты навѣрное здѣсь будешь... Я ждала тебя...

Она отняла у него свою руку, быстро поднялась съ дивана и схватилась за голову.

— Что же это!? Я съ ума схожѣ, что ли!?

Онъ привлекъ ее опять къ себѣ и ужъ не выпускалъ ея рукъ. Онъ засматривалъ ей въ глаза, совсѣмъ сіяющій.

— И я зналъ, что ты здѣсь... я изумлялся; но когда увидѣлъ тебя, то понималъ, что и ты ждала меня. Если сонъ, такъ онъ тотъ же и со мною, и не слѣдъ просыпаться... Таня! милая Таня!.. какъ я люблю тебя...

Онъ обнималъ ее, осыпалъ поцѣлуями, и она не сопротивлялась, она сама возвращала ему его поцѣлун.

Ихъ сонъ продолжался, и съ каждой новой переживаемой минутой становился все лучезарнѣе и волшебнѣе. Они видѣли, какъ долгожданное, долго манившее блаженство жизни раскрывается передъ ними. Они чувствовали оба одними чувствами, что все, что было до сихъ поръ, имѣло одну только цѣль—довести ихъ до этой минуты, они жили только для того, чтобы дожить до нея.

Они молча, блаженно глядѣли другъ на друга. Только ужъ теперь въ нихъ не было никакого изумленія, никакихъ вопросовъ. Все

совершилось, все стало ясно, говорить имъ было не о чемъ, потому что они и безъ словъ все понимали.

Наконецъ, Таня вспомнила, что ее уже давно ждутъ дома. Но она не позвала съ собою Сергѣя, и онъ не пошелъ за ней. Теперь они не хотѣли вмѣстѣ показаться на глаза людямъ. Они разстались, каждый глубоко про себя спрятавъ свое счастье.

III.

«Вотъ и случилось!..»

Не видя, не сознавая окружавшаго, онъ спѣшилъ по знакомымъ дорожкамъ парка. Вотъ и избушка сторожа, и Степушка съ «Красавчикомъ».

Степушка что-то говоритъ ему, но онъ не слышитъ, впомадь отвѣчаетъ, нѣтъ ли—ему все равно.

Онъ вскочилъ на «Красавчика» и помчался. Только выѣхавъ на большую лѣсную дорогу, онъ нѣсколько пришелъ въ себя и оглянулся.

Боже, какъ хорошо!

Еще лучезарнѣе, еще краше и ближе къ сердцу показалась ему осенняя природа. Никогда еще не было такого дня.

Застоявшійся «Красавчикъ» мчалъ его, едва касаясь земли и только изрѣдка чуть шевеля сухіе листья легкимъ копытомъ.

Щеки Сергѣя горѣли, сладкая дрожь пробѣгала по его жиламъ и все ему казалось, что онъ обвѣянъ еще присутствіемъ Тани, что она незримо здѣсь, около него, въ немъ самомъ, въ его радостно бьющемся сердцѣ...

Но вдругъ, въ концѣ аллеи, раздался конскій топотъ. Сергѣй невольно остановился и прислушался. Уже явственно было слышно, что кто-то мчался къ нему навстрѣчу. Вотъ уже и видѣнъ на взмыленномъ конѣ всадникъ.

Сергѣй узналъ его.

«Но зачѣмъ онъ? И такъ спѣшить!.. Что такое?.. Ужъ не случилось ли чего!»

Однако эта первая невольная мысль не оставила въ немъ никакихъ слѣдовъ, никакого опасенія. Онъ былъ слишкомъ счастливъ, чтобы остановиться на чемъ-нибудь тревожномъ. Что теперь можетъ случиться? Да и что бы ни случилось, ему какое дѣло!

Между тѣмъ, мчавшійся къ нему навстрѣчу всадникъ оказался уже въ двухъ шагахъ отъ него.

Это былъ небольшого роста сухощавый человѣкъ лѣтъ сорока, съ пріятнымъ подвижнымъ лицомъ, быстрыми глазами. Онъ шеловко держался на лошади, чулки его висѣли складками на худыхъ ногахъ, шляпа слѣзла на затылокъ, парикъ плохо причесанъ.

Сергѣй взглянулъ на лицо его и нервнымъ движеніемъ сразу остановилъ «Красавчика». Его поразило въ этомъ лицѣ совсѣмъ необыкновенное, странное и пугающее выраженіе.

— Рено, что такое? *au nom du Ciel!*..

Французъ-воспитатель заговорилъ спѣшно, едва переводя духъ отъ быстрой ѣзды и, видимо, избѣгая глядѣть на Сергѣя:

— *Tranquillisez vous...* не пугайтесь... поѣдемте скорѣй... *monsieur votre père...* онъ боленъ... съ нимъ вдругъ сдѣлалось дурно... Я такъ и зналъ, что вы отправились въ Знаменское... поспѣшилъ за вами... хорошо что нашелъ скоро...

Сергѣй еще не понималъ, но уже яркій румянецъ сошелъ со щекъ его и замѣнился блѣдностью, уже мгновенно исчезло безъ слѣда счастливое чувство, владѣвшее имъ еще за минуту.

Ничего не могло случиться, ни до чего нѣтъ дѣла! А вотъ и случилось!.. Что... что... такое?.. Отецъ... да какъ же это... какъ?

Онъ засыпалъ француза вопросами, но тотъ ничего не договаривалъ, только просилъ успокоиться — и это заставляло Сергѣя еще больше волноваться.

Наконецъ, онъ узналъ, что отецъ его, Борисъ Григорьевичъ Горбатовъ, всегда такой сильный, бодрый и здоровый, и сегодня, какъ обыкновенно, въ урочны часъ вышелъ изъ своихъ покоевъ. За завтракомъ его встрѣтили жена и дочь. Тутъ былъ и Рено. Борисъ Григорьевичъ ласково со всѣми поздоровался, говорилъ спокойно, милостиво обращался со своимъ постояннымъ домашнимъ штатомъ, даже пошутилъ съ Москвой карликомъ, припаялся кушать — и вдругъ захрипѣлъ и упалъ навзничь. Его снесли въ опочивальню: домашній докторъ, жившій у Горбатовыхъ, объявилъ, что дѣло серьезно, что у Бориса Григорьевича ударъ, котораго онъ давно опасался.

— Господи!.. да живъ ли онъ... живъ ли? — спрашивалъ Сергѣй.

Ему все казалось, что Рено скрываетъ отъ него, не все договариваетъ; онъ чувствовалъ новое мучительное ощущеніе, которое тисками сжимало и томило его сердце.

Отецъ!.. Онъ такъ мало вообще думалъ о немъ; онъ никогда не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, любить ли его или нѣтъ, а просто его боялся съ самаго дѣтства и до послѣдняго времени; привыкъ много скрывать отъ него; привыкъ отъ него таиться, сдерживаться въ его

присутствіи, иногда просто даже тяготиться этимъ присутствіемъ. Отецъ казался ему силой, съ которой нельзя было бороться, нужно было подчиняться безъ разсужденія, права или не права эта сила.

Но тутъ все забылось, осталось одно чувство жалости, безконечной жалости къ этому отцу, къ этому-сильному человѣку, дѣйствовавшему только своей силой, и такъ часто несправедливому вслѣдствіе этого, какъ, по крайней мѣрѣ, казалось молодому сыну.

— Живъ ли онъ... живъ ли?..—повторялъ Сергій.

Рено отвѣчалъ ему, что живъ, чтобы онъ не отчаявался, что еще нѣтъ ничего безнадежнаго.

И оба они прищипорили своихъ лошадей и мчались въ Горбатовское.

Они въѣхали на широкой дворъ, въ глубинѣ котораго тянулись обширныя барскія хоромы, длинное, одноэтажное, построенное по-космъ зданіе, къ которому примыкали всякія службы. Посреди обширнаго двора красовался роскошный цвѣтникъ, устроенный трудами года два тому назадъ выписаннаго изъ Петербурга ученаго пѣмца садовника. Пышныя георгины и астры были въ полномъ цвѣту. Бѣлый домъ, недавно выкрашенный, съ яркой зеленой крышей, съ новыми зелеными ставнями оконъ, такъ и сверкалъ на солнцѣ. Вся эта яркость бросилась въ глаза Сергію и отъ нея стало ему еще тяжелѣе, еще мучительнѣе. Онъ подмѣтилъ, оглябая цвѣтникъ и останавливаясь у главнаго крыльца, суетню, онъ подмѣтилъ странное выраженіе на всѣхъ лицахъ. Ему хотѣлось спросить у перваго встрѣчнаго: Что? Какъ? Что съ отцомъ? И въ то же время онъ боялся отвѣта на этотъ вопросъ и ничего не спрашивалъ.

Онъ молча соскочилъ съ «Красавчика», не замѣчая кто взялъ у него изъ рукъ поводъ, и кинулся на крыльцо. Въ комнатахъ было еще больше необычнаго, беспорядочнаго движенія, на лицахъ еще болѣе страшнаго, смущающаго выраженія.

Сергій бѣжалъ дальше къ дверямъ, за которыми начинался покой отца, куда онъ обыкновенно не очень часто заглядывалъ.

— Сережа!

Мучительное, измученное и страшное послышалось ему въ этомъ голосѣ.

Это была его мать. Она кинулась къ нему, онъ увидѣлъ ея безпорядочно сбившіяся бровки, съ которыхъ осыпалась почти вся пудра, ея полное, добродушное лицо, совсѣмъ раскраснѣвшееся, заплаканное, въ которомъ ежесекундно мѣнялось выраженіе испуга, изумленія и горя.